

DOI: 10.22250/2072-8662.2018.2.65-78

Аринин Е.И., Воронцова Е.В., Маркова Н.М.

Образы религиозного образования в России как эксплицитный проект

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ (РГНФ)-ННИС, № 15-23-06002

Аннотация. Термин «религиозное образование» эксплицитно в русском языке представлен в 27 текстах (Национальный корпус русского языка). Он входит в российскую литературу во второй половине XIX века, понимаясь как «верный якорь спасения в дни житейских бурь и душевных тревог» (Ушинский, 1858). Можно говорить о своеобразном «Проекте Ушинского», представленном в трёх его статьях. Данный проект был задуман в качестве ответа на три вызова эпохи, связанных с запретом на преподавание философии в университетах (1850) и преодолением схоластичности школьного «Закона Божьего», которые не удалось разрешить в XIX–XX веках. В СССР термин «религиозное образование» имплицитно входил в криминальную область социального бытия, маркируя преступное «приобщение к опиуму народа». Только наука и педагогическая практика XXI века позволили найти оптимальные формы сочетания «знаний педагогических экспертов», «традиции народов» и «веры конфессиональных экспертов». Исследуя феномен религиозного образования в России, авторы приходят к выводу, что в соответствии с Конституцией, согласно которой Российская Федерация является светским государством, современное религиозное образование должно формировать установки на искренне толерантные, уважительные и добрососедские отношения между многообразными духовными традициями народов России, препятствуя «чуме XXI века» – экстремизму и терроризму, часто стремящимся оправдывать себя религиозными основаниями.

Ключевые слова: религиозное образование, вера, светские элиты, народная религиозность, конфессиональная элита, конгрегация, деноминация

Evgeniy I. Arinin, Elena V. Vorontsova, Natalia M. Markova

Images of Religious Education in Russia as an Explicit Project

The article was prepared within the RFBR (RNF) project -NNIS, no. 15-23-06002

Abstract. The term “religious education” is explicitly presented in 27 texts in Russian (the National Corpus of the Russian language). It enters the Russian literature in the second half of the 19th century, being understood as “the true anchor of salvation in the days of everyday storms and spiritual anxieties” (Ushinsky, 1858). One can speak of a kind of “Ushinsky Project”, presented in three of its articles. This project was presented as a response to three challenges of the era related to the prohibition of teaching philosophy in universities (1850) and overcoming the “scholasticism” of the school “Law of God”, which could not be resolved in the 19th–20th centuries. In the USSR, the term “religious education” implicitly entered the criminal sphere of social existence, marking the criminal “habituation to opium of the people”. Only science and pedagogical practice of the 21st century allowed finding the optimal forms of combining “knowledge of pedagogical experts”, “traditions of peoples” and “faith of confessional experts”. Investigating the phenomenon of religious education in Russia the authors come to the conclusion that as soon as the Constitution states, that the Russian Federation is a secular state, modern religious education should formulate guidelines for sincerely tolerant, respectful and good-neighborly relations between diverse spiritual traditions peoples of Russia, preventing the “plague of the 21st century” – extremism and terrorism, often trying to justify themselves by religious grounds.

Key words: religious education, faith, secular elites, popular religiosity, confessional elite, congregation, denomination

Е.И. Аринин

Е.В. Воронцова

Н.М. Маркова

Аринин Евгений Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета; 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87; eiarinin@mail.ru

Eygeniy I. Arinin – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Religious Studies of Vladimir State University; 87 Gorkogo str., Vladimir, Russia, 600000; eiarinin@mail.ru

Воронцова Елена Владимировна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Архива Российской Академии наук, Московский университет имени М.В. Ломоносова; 117218, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, 34; lendail@ya.ru

Eleva V. Vorontsova – PhD (Philosophy), Senior Research Fellow at the Russian Academy of Science Archive, Lomonosov Moscow State University; 34 Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russia, 117218; lendail@ya.ru

Маркова Наталья Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета; 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87; natmarkova@list.ru

Natalia M. Markova – PhD (Philosophy), Associate Professor at the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University; 87 Gorkogo str., Vladimir, Russia, 600000; natmarkova@list.ru

Сегодня каждый, заинтересовавшись тем, что же буквально, эксплицитно, понимается в России и мире под «религиозным образованием», может обратиться к поисковым системам. Так, к примеру, в «Google» по этому запросу обнаруживается (на 20.12.2017) 1 600 000 документов, а в системе «Яндекс» – 34 000 000 документов на русском языке. Обращение к англоязычным источникам показывает ещё более впечатляющие цифры для «Religious Education»: «Google» – 8 750 000, «Яндекс» – 28 000 000. Значительно более обозримые для анализа источники представлены в филологическом ресурсе «Национальный корпус русского языка» (далее – «НКРЯ»), где термин «религиозное образование» эксплицитно фиксируется в русском языке только со второй половины XIX века, оставаясь весьма редким – он встречается всего в 27 документах при 31 вхождении начиная с 1858 года, тогда как, к примеру, слово «религия» встречается в 1508 документах при 4210 вхождениях, а слово «образование» в 5728 документах при 11 957 вхождениях (на 20.12.2017) [НКРЯ, <http://www.ruscorpora.ru/>]. Первое употребление этого термина в 1858 году связано с именем К.Д. Ушинского (1824–1871), одного из признанных основоположников российской педагогики, опубликовавшего в журнале «Сын Отечества» статью «О средствах распространения образования посредством грамотности», где он обращался к примерам из «Северо-Американских Штатов» [Ушинский, 1858, 41–45].

Середина XIX века в России стала периодом, когда от идеи Александра Первого о «Священном союзе» («Heilige Allianz», 1815), который после победы над Наполеоном был призван объединить население православной России, католической Австрии и лютеранской Пруссии в качестве «членов единого народа христианского» как нового глобального «Pax Christiana», правящая династия Российской империи переходит к строительству национального проекта, основанного на вдохновлённом немецкими романтиками проекте «триады» нового министра народного просвещения С.С. Уварова (1834) [Миллер, <http://polit.ru/article/2007/04/11/uvarov/>].

Так, И.В. Киреевский (1806–1856), вернувшись из поездки в Германию, ещё в 1832 году писал в созданном им журнале «Европеец», что «религию большая часть людей просвещённых» понимала либо «как совокупность обрядов, либо как внутреннее, индивидуальное убеждение в известных истинах», тогда как в действительности, по его мнению, «религия не один обряд и не одно убеждение», а для «полного развития не только истинной, но даже и ложной религии необходимо единомыслие народа, освящённое яркими воспоминаниями, развитое в преданиях односмысленных, соприкоснутое с устройством государственным, олицетворённое в обрядах однозначительных и общенародных, сведённое к одному началу положительному и ощутительному во всех гражданских и семейственных отношениях», без чего «есть убеждение, есть обряды, но собственно религии нет» [Киреевский, 1989, 17–18].

В этом контексте начался пересмотр идеи «нашей святой религии» («notre sainte religion», Екатерина Вторая, 1744), единой для всех христиан, которая утвердилась в европейских элитах XVII–XVIII веков, после столетия кровопролитных войн эпохи Реформации и заключения «Вестфальского мира» («Westfälischer Friede», «Pax Westphalica», 1648), позволявшего элитам смотреть снисходительно

на различия региональных «внешних обрядов», допускаемых ввиду неустрашимой «грубости народа» [Сборник, 1871, 3, 6, 29–30]. В ответ на допущенное в «поствестфальской» цивилизации сосуществование множества конфессий, («государственных вероисповеданий»), разрабатывающих множество теологий, в которых обосновывалась их обособленность от «других», термин «religio» начинает обозначать собирательное множество конфессиональных сообществ, порой предельно нетерпимых друг к другу. Это многообразие начинает анализироваться со стороны возникающей академической дисциплины «философия религии» (Шторхенау, «Die Philosophie der Religion», 1772), пытающейся описать феномен религии как таковой. Формируется образ «религии в пределах только разума» («Die Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft», 1793, Иммануил Кант), т.е. религии как универсального философского концепта, собирательно относящегося ко множеству фактических сосуществующих конфессий как «особенных религий».

Термин «религия» («релѣя», «релея», «релія», «религія», «релижія» и т.п.) входит в русский язык в начале XVIII века, создавая саму лингвистическую возможность появления термина «религиозное образование», зафиксированного в XIX веке [Аринин, 2017, 66–80]. В эпоху Екатерины Великой (1729–1796) термин «религия» в русском языке приобретает расширительное («поствестфальское») значение, собирательно объединяя не только иноземные «релѣи» с московской традицией придворного «сияющего благочестия» («грекороссийской вѣры», «православия»), но и с «вѣрой» тех «людей из народа», которые, «как это случается с людьми из народа во всём мире, не захотели терпеть никаких нововведений в религии», т.е. «раскольников» [И.И. Мелиссино, http://drevlit.ru/docs/russia/XVIII/1760-1780/Melissino_I_I/predloz_raskoln_1763.php].

Снисходительное и терпимое («толерантное») отношение элит «поствестфальской» Европы, частью которых была и династия Романовых в России, к сообществам, ранее относимым властями к преступным *ересям* и *схизмам*, достойным только «предания огню», привело к признанию феномена самобытной и искренней «вѣры народа» (*народной религиозности*), проявившейся в массовом формировании автономных сообществ, «евхаристических братств», которые, даже в условиях запретов, гонений, разрушения храмов и казней наставников «раскольщиков», смогли образовать и поддерживать собственные «аутопойетические» общины, подобные древним *парикиям* («*парокіа*», «присельница», «странствующая община») [Муравёв, <https://postnauka.ru/video/64970>].

Так, к примеру, традиция отделившегося от священноначалия *никониан*, особого братства «Выговского общежительства» («Поморское согласие», «Древлеправославная Поморская Церковь»), существует уже более 300 лет в качестве самобытной преемственности или, в терминах современного Федерального закона 125-ФЗ («О свободе совести и о религиозных объединениях», 1997), особого «религиозного объединения», зарегистрированного Министерством юстиции Российской Федерации, тогда как другая его часть, *филипповцы* («христиане старопоморского и соловецкого потомства»), отделившиеся от них и образовавшие особое «согласие», принципиально отвергают государственную регистрацию. Аналогичные традиции «братств» и «общежительств» восходят к первым христианам, собиравшимся «во имя Его», которые, как отмечал С.С. Аверинцев, «вовсе не собирались “основывать” новую религию», считая себя «наиболее верными из иудеев» [Аверинцев, 1987, 13].

Вместе с тем, со времён Цицерона (Marcus Tullius Cicero, 106–43 гг. до н.э.), автора первого известного определения латинского термина *religio*, отмечается стремление отделить феномен *religio* как «достойное благочестие», подлинное понимание которого доступно только для элиты, от девиантного *superstitio* («суеверия», «лживого и ложного благочестия») и маргинального *cultus* («поверхностного благочестия», «обрядоверия»), которые были распространены в «простом народе» [Першин, 2014, 161]. Можно говорить о двух нормативных «образах религии», когда, с одной стороны, для властей «*Rex Romana*», где возник и трансформировался термин *religio*, с позиций «дворца», первоначальное христианство почти 300 лет квалифицировалось не как «*religio*», но как «*superstitio*», «*coetus nocturni*» («ночные сборища»), *haereticae* («скопища заговорщиков»), «*hostes populi romani, irreligiosi*

in caesares» («враги народа Рима, не почитающие цезарей»), «superstitio Iudaica» («иудейское суеверие»), «superstitio prava et immodica» («безмерно уродливое суеверие»), «exitiabilis superstitio» («зловредное суеверие»), «superstitio nova et malefica» («новое и зловредное суеверие») и «maleficus» («Magia», «ars magica», «Μαγεία», «магия»).

Такие оценки реализовывались в практиках ряда известных гонений, обычных для периода т.н. «Ecclesia pressa», особенно при правлении Диоклетиана (Gaius Aurelius Valerius Diocletianus, 245–313). Диоклетиан, стремясь возродить традиционное «римское благочестие» путём реставрации «Mos maiorum» («обычай предков»), считал именно эти «традиционные» религии и практики жизненно важными для «Pax Romana», где распространение «religio nova, peregrina et illicita» («новой, недозволенной законом религии»), выступало диагнозом «моральной деградации своего времени и крайне дурного <...> увлечения Востоком и восточными культурами» [Грушевой, 2008, 26, 194, 208]. Этой «деградации» противопоставлялось упование на «реставрацию» вечных «Mos maiorum», которые приведут «Pax Romana» к древнему и изначальному идеалу «Pax Deorum».

С другой стороны, христианство, как уже отмечалось выше, возникало не как респектабельный «институт», поддерживаемый всей мощью государства, но, по яркому и образному выражению С.С. Аверинцева, неуловимые «огоньки Пятидесятницы, огоньки Духа над головами» [Аверинцев, http://krotov.info/lib_sec/01_a/ave/rin95.htm#444]. Такая «вѣра огоньков», или «вѣра сердечного энтузиазма», поддерживает до настоящего времени зримое и незримое братство всех тех, кто испытывает «сокрушение сердца» при виде чужих страданий, кто движим «доброй волей» и «милосердием».

Сами собирающиеся «во имя назарянина» почти три столетия описывали себя как «братство сынов света», а свои собрания и трапезы как «агапы» («ἀγάπη», «вечеря любви»), «Θεῖα Εὐχαριστία» («Божественная евхаристия», «благодарение»), «λεϊτουργία» («общее дело», «богослужение»), «Ἐκκλησία» («эκклесия», «собрание»), «парикии» («παροικία», «странствующая община» «присельница»), «погребальная коллегия» («collegia fimeraticia»), «θίασον» («фиас», «тиас», «собрание чествующих Бога») и т.п., позднее получив общее название «ἐκκλησία μαρτύρων» («эκклесия мучеников», «Ecclesia martyrum», «Церковь мучеников») и «Ecclesia pressa» («гонимая Церковь»).

Именно такая спонтанная и мистичная «религиозность», искреннее переживание присутствия «огоньков Духа», а «Дух дышит, где хочет...» (Ин.3:8), отличает сам этот феномен от другого феномена, который в своём последнем романе «Похехонская старина» (1887–1889) иронично описал М.Е. Салтыков-Щедрин (1826–1889), отметивший от лица героя повествования, что «предки мои были люди смиренные и уклончивые», что они «в пограничных городах и крепостях не сидели, побед и одолений не одерживали, кресты целовали по чистой совести, кому прикажут, беспрекословно» [Салтыков-Щедрин, 1975, 7]. Феномен такой «чистой совести по приказу» виделся ему проявлением предельно глубокого и собственно, подлинного основания – «царствующего скопидомства», выступавшего «своего рода исповеданием веры, которому все безусловно подчинялись», искренне ощущая именно его в качестве действительно «благоговейного» и «оживляющего сердца» [Салтыков-Щедрин, 1975, 21]. Ещё более остро ставит проблему «казённого» и «подлинного» Ф.М. Достоевский в своём последнем романе «Братья Карамазовы» (1880), где был дан образ Ракитина, симптоматичного «семинариста-богохульника» [Сараскина, <http://www.pravoslavie.ru/57369.html>]. Из таких семинаристов выросло поколение граждан, которые в 1932–1937 годах организовали «пятилетку безбожия» в СССР.

Определённый итог этому противостоянию двух «нормативностей» («вѣры сердца» и «вѣры по приказу»), возникших в истории «Церкви Христовой», подвёл в 1915 году епископ Андрей (князь Ухтомский), который с горечью отмечал: «Почему <...> наши раскольники несравненно устойчивее и сильнее в культурном отношении? Именно потому, что раскольники живут приходскою самоопределяющейся общиною, а наша деревня влачит своё существование только по распоряжению начальства. Раскольническую общину объединяет любимый храм или часовня, а нашу

православную деревню объединяла до последнего времени казённая винная лавка...» [Заволжский летописец, 1917, 410].

Недоверие правящей элиты к индивидуальной «мистичности» («личной религиозности»), чреватой церковными мятежами, сочеталось с опасением и перед свободным любопытством образованной публики, когда с 1850 года было запрещено преподавание философии в российских университетах, обвиняемой в распространении вольнодумства в духе печально известного тезиса, что «польза от философии весьма сомнительна, а вред очевиден» (другая версия: «польза философии не доказана, а вред от неё возможен») [Миронов, 2001].

В таком контексте встала актуальная задача преодоления вызовов своей эпохи и приобщения нового поколения «сынов отечества» к «вѣре престола», призванной объединять «вѣру сердца», «вѣру архипастырей» и «вѣру народа», требовавшая новых подходов. К.Д. Ушинский полагал, что общество от «испорченной нравственности большинства грамотеев» и социальных потрясений спасёт не грамотность сама по себе, чреватая «вольнодумствомлюбомудров», но воспитание «сынов отечества» через религиозное образование, которое «должно с ранних лет ложиться в душу человека, как верный залог того, что он не сойдёт с дороги, как верный якорь спасения в дни житейских бурь и душевных тревог», при этом оно отделялось им от светского образования, выступавшего как «умственное образование, сообщение массы сведений как результатов образованной жизни человека во всех странах, гимнастика рассудка, расширение горизонта понятий» [Ушинский, 1858, 42–43].

К.Д. Ушинский в упомянутой ранее статье описывает США, где термин «религиозное образование» имел собирательное значение, поскольку там оно хоть и было «конфессиональным образованием», т.е. приобщением к «вѣре» приверженцев множества присутствующих в этой стране «congregation» («приходов», «общин») и «denomination» («вероисповеданий»), но, в отличие от России и многих других европейских стран, эти «denomination» были не принудительной казённой «вѣрой по приказу», но самоорганизующимися братскими общинами единовѣрцев, допускающими свободный переход из одной общины в другую, конституционно отделёнными от государства («Bill of Rights», 1791). В условиях России того времени приобщение к «вѣре» как единственно «верному якорю спасения», воспринималось как приобщение, прежде всего, к господствующему и, соответственно, разделительно понимаемому исповеданию империи, которым была «вѣра Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания» [Уставы, 1896, 9]. Выход из господствующего исповедания до 1905 года квалифицировался как уголовно наказуемый проступок [Суд, 1904, 47–48, 91].

Эксплицитное присутствие термина «религиозное образование» в мире

К.Д. Ушинский, ссылаясь на США, описывает социальную реальность этого уникального общества, где существует множество самоопределяющихся «congregation» и «denomination», включая и укрепляющуюся с 1789 года «Ecclesia Catholica Romana», которая, являясь первой христианской традицией в этой стране, оказалась потеснённой новыми переселенцами (протестантами, диссидентами) до уровня 1% населения, сохранившись в испаноязычных локальных сообществах, но резко усилив своё влияние в XIX веке. Основным «актором» стало приходское братство единомышленников, которое само решает в какую «ассоциацию» ему вступать. Так, к примеру, в 2016 году «более 60-ти приходов Католической церкви Востока в США перешли в юрисдикцию Русской Православной Церкви за рубежом (РПЦЗ)», которая, в свою очередь, в 2007 году воссоединилась с Московским Патриархатом [60 приходов, <https://pravoslavie.fm/interested/60-prikhodov-v-ssha-prisoedinyayutsya-k-russk/>]. Эти сообщества нередко считали друг друга «ретиками», создавая свои конфессиональные («братские») образовательные институты, имеющие разные наименования. Такие училища, школы и университеты, поддерживающие «вѣру сердца», уповающую на свою эксклюзивную самобытность и «спасающую силу», существуют до нашего времени как минимум в шести типологических формах [Надыршин, 2017, 58].

Наряду с ними в «поствестфальской» культуре XVII–XVIII веков начинается учреждение «муниципальных» (общеконфессиональных, «гражданских») школ,

где, особенно в мультиконфессиональных городах, обучаются дети жителей соседних домов, часто относящиеся к разным «братствам». Если первые стремятся преподавать «Закон Божий» в собственной «эксклюзивной» версии, стремясь обеспечить сохранение своей особой субкультуры, то вторые, «гражданские», больше ориентированы на этику, добронравие и «Закон Божий» в межконфессиональном (общеконфессиональном, «гражданском», «светском» и т.п.) истолковании, согласованном между проживающими рядом в данном районе приверженцами разных «congregation» и «denomination».

В фундаментальной «The Encyclopedia of Religion» (1987), подготовленной Чикагской школой религиоведения (University of Chicago, Divinity School), в статье Г. Морана (Gabriel Moran) отмечается, что эксплицитно термин «Religious Education» в качестве собирательного для множества локальных образовательных проектов получает распространение только в XX веке, в контексте утверждения экуменического взгляда на религию [Moran, 1987, 320]. Даже в англоязычной литературе до сих пор не существует его единообразного толкования, поскольку он используется религиозными группами («congregation» и «denomination») для обозначения реализуемой ими воспитательной и просветительской работы, как, например, это практикует американская «Церковь Унификации» («The Unification Church») [Moran, 1987, 319]. Все споры вокруг толкования термина «религиозное образование» связаны с расстановкой акцентов на первом или втором термине в этом словосочетании, когда, в первом случае, речь идёт о некой «религиозной» («конфессиональной», «миссионерской») активности (самосохранении «братства»), либо, во втором, об «образовательном» («воспитательном», «просветительском») проекте, знакомстве с одной из важных сторон человеческого бытия в мироздании (самосохранении «гражданина»). В первом случае, когда речь идёт о получении знаний в рамках конкретной юрисдикции («congregation» и «denomination»), в англоязычной среде нередко используется термин «religious instruction» [Halstead, 2005, 7731]. Чаще всего такие формы реализуются в рамках непосредственного «живого общения» в семье, религиозной общине или конкретном приходе. В некоторых случаях они реализуются через частные или даже государственные школы (в тех штатах, где большинство граждан принадлежат к одной религиозной традиции). Вместе с тем, этот термин и сегодня в США продолжает ассоциироваться преимущественно с церквями и синагогами, дистанцируясь от возникшего в XX веке академического изучения религии («teaching about religion», «Religious Studies»), в отношении которого термин «Religious Education», как правило, не используется.

Первая поправка к Конституции США («Bill of Rights», 1791) утвердила отсутствие в стране официально поддерживаемой религии («congregation» и «denomination») и запрет её финансирования из государственных налоговых средств. В таких политических условиях религии как «братства» («congregation» и «denomination») оказываются перед вызовом здесь и сейчас явить обществу свою «харизму», способность привлекать к себе сограждан, когда, к примеру, в США, несмотря на то, что более 90% населения жило в небольших «деревнях», в XVIII веке началось вслед за Европой («Pietism») несколько «волн» общих для разных деноминаций «Великих Пробуждений» («Great Awakening», «ривайвелизм», 1730–1740 года и т.п.). В XIX веке произошёл колоссальный рост методистских общин («boiling hot religion»), численность которых с 1800 по 1860 год увеличилась в 28 раз, а крупнейшая из них «Methodist Episcopal Church» обошла ранее более представительные «Presbyterian Church» и «Congregational Church». Такой сложный и динамичный социально-политический контекст позволяет формироваться в обществе определённой самоиронии в отношении упований на свою «эксклюзивную аутентичность» некоторых приверженцев таких «братств», поскольку и сам термин «denomination» («переименование», перекликается с термином в экономике, означающим изменение стоимости «деноминированной» денежной единицы: например, памятной многим «деноминации рубля» во время перестройки), противоречит самой идее «эксклюзивности», поддерживающей каждое «братство». В современной культуре это нашло отражение, к примеру, в популярном клипе на тему рассказа Эмо Филиппа (Emo Philips) «Еретик» [The Heretic!, <https://www.youtube.com/watch?v=M0zIv2I37UU>].

В «Старом Свете», к примеру, во Франции, Германии или Великобритании, в XVIII–XIX веках наблюдалась не менее сложная и противоречивая ситуация с «религиозным образованием», где ранее единая «Ecclesia Catholica Romana» сталкивалась не только со множеством «confessio» эпохи Реформации, но и с протестными формами личной самоидентификации образованной публики («atheism», «libertinage», «freethinking» и т.п.), вплоть до известного призыва Вольтера «Ecrasez l'infame!» («Раздавите гадину!», 1762). «Борьба за школу» осознавалась как борьба за будущее наций, в которой правительства стремились к детальной регламентации и «тонкой настройке», включая порой и такие радикальные формы как, к примеру, «Kulturkampf» Бисмарка (1871) в Германии, утверждающихся систем государственного «народного образования», где нужен был баланс между противоборствующими группами интересов «локальных сообществ».

К.Д. Ушинский, согласно данным «НКРЯ», был единственным автором, который за весь XIX век использовал термин «религиозное образование», ссылаясь не только на пример США, рассмотренный выше. Он, проведя пять лет в заграничной командировке (1862–1867), возвращается к этим вопросам дважды. Прежде всего, он ссылается на опыт решения подобных проблем в Швейцарии, где новые образовательные проекты властей вызвали протесты населения, посчитавшего их «нападением на религиозное образование» [Ушинский, 1863, 47]. Выяснилось, что можно говорить не только о «вере крестьян (народа)», «вере духовенства» (католического и протестантского) и «вере учителей», но и о делении последних на «новаторов» и «охранителей», когда введение новых форм образования могло вызвать возмущение народа и даже погромы школ, потребовавших вмешательства «батальона пехоты».

Третий и последний случай употребления термина «религиозное образование» в XIX веке, согласно данным «НКРЯ», содержится в итоговой и выстраданной статье К.Д. Ушинского [Ушинский, 1870, 16–19]. В этом тексте он опирается на примеры из жизни Германии непосредственно перед началом «Kulturkampf» («борьба за культуру», 1871), когда Бисмарк (Otto Eduard Leopold von Bismarck-Schönhausen, 1815–1898), канцлер нового государства «Deutsches Reich» («Deutsches Kaiserreich», «Германская империя», «кайзеровская Германия») и часть элит начали борьбу против «Ecclesia Catholica Romana», в том числе и в системе образования. К.Д. Ушинский писал, что в Германии «отпечаток религиозного происхождения, положенный на школы, был так силён, что только в самое последнее время началась действительная борьба с этим отпечатком, и вовсе не потому, чтобы школы приняли антирелигиозное направление, а просто начинает входить в жизнь та мысль, что народная школа, хотя и не должна противоречить церкви, но строится не на одних с нею основаниях, будучи призвана удовлетворять потребностям и здешней временной жизни, т.е. признавая, что «религиозное образование само по себе, а светское само по себе» [Ушинский, 1948, 610].

Ушинскому было очевидно, что «это противодействие церковному заведению школами вызвано было самим же духовенством», поскольку «когда школа перестала быть орудием религиозной пропаганды и должна была развиваться уже соответственно с развитием потребностей гражданской жизни, то и самое отношение духовенства к школе изменилось: духовенство скорее стало мешать дальнейшему развитию школы, чем способствовать ему» [Ушинский, 1948, 610–611]. Аналогично и в России «желание крестьянина иметь в своей школе настоящего учителя, а не священника, есть только типическое выражение совершенно верной и практической мысли», состоящей в необходимости сохранить молодёжь в семье [Ушинский, 1948, 616]. Знаменитый педагог отмечал, что «русский крестьянин не любит вмешиваться в политику» и «даже к занятию мирскими делами он не выказывает особенной склонности и готов по возможности уклоняться от них», однако, «заставьте его креститься тремя пальцами, когда он крестится двумя, заставьте его ходить вокруг аналоя направо, когда он хочет идти налево, – тут уже никакая государственная сила ничего сделать не может, как это мы видели на опыте» [Ушинский, 1948, 617]. Впервые в науке было отмечено, что «религиозность крестьян» и «религиозность образованной публики» соотносятся не как «невежество» («суеверное» и т.п.) и «просвещение», но как «особые» формы «приверженности», причём «народное»

в ряде отношений было «искренней», «сильней» и «выше», чем «господское», порой поверхностное и лицемерное, подчиняющееся другому «центру силы» – правительству, непрерывно реформирующему как школу, так и религиозное законодательство.

Проект К.Д. Ушинского

К.Д. Ушинский фактически предложил инновационный образовательный проект, где планируемое «религиозное образование» для всех граждан выступало в качестве замены «казённого» и «отупляющего» преподавания «Закона Божьего» в школах, призванное стать важным дополнением профессиональному «духовному образованию» церковных служителей государственного исповедания, учреждённому в XVIII веке («Регламент или устав духовной коллегии», 1721) [Барсов, 1893, 268].

В этих условиях проект «религиозного образования», направленного на формирование «верного якоря спасения» в душе подданных, сталкивался с тремя фундаментальными вызовами. Первый, назовём его «вызовом универсализма», в духе «Великой Дидактики» Яна Амоса Каменского («*Didactica magna*», 1633–1638), «Вестфальского мира» (1648), одного из первых отечественных педагогических текстов «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов» (1717) и «Категорического императива» И.Канта («*Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*», 1785) выступал как приобщение всего населения Российской империи к универсальным нормам нравственного (этического, гражданственного) образования, призванным формировать «сынов отечества», т.е. искренних патриотов и образованных граждан, соблюдающих законы Российской империи как «Европейской Державы» (Екатерина Великая, «Наказ», 1767) и части глобальной цивилизации «просвещённых народов».

Этот проект сменял охранительные идеалы «Домостроя» (1547), когда элиты «Русского царства», сталкиваясь с «*Magnus Ducatus Lituaniae*» («Великое княжество Литовское», 1385) и «*Rzeczpospolita*» («Речь Посполитая», 1569), решили ответить на вызовы эпохи Реформации (1517–1648) в духе «Кодекса Феодосия» («*Codex Theodosianus*», 439), где приверженцам единой «Кафолической Церкви» («*Καθολικῆς Ἐκκλησίας*»/»*Ecclesia Catholica*») противопоставлялись «безбожные еретики» и «суеверные язычники», заслуживающие смертной казни [Ведёшкин, 2013, 38–47]. Всё население Русского царства считалось принадлежащими к царскому «сияющему благочестию» («православию», «правоверию», «правомыслию»), добившемуся учреждения собственного Патриархата (1589) [Белякова, 2008, 219–221]. Тогда, в ответ на веротерпимость «Акта Варшавской конфедерации» («*Akt konfederacji warszawskiej*», 1573), Москва утверждает своё «православие» («сияющее благочестие»), строго закрепляемое позднее охранительными законами «Соборного уложения» (1649) и «12 статей царевны Софьи» (1685). Проблемой, как показали события на Сенатской площади 26 декабря 1825 года, стало то, что прекрасно образованные и верные евангельскому духу «сыны отечества» могут иметь отличное от властей представление о нормах жизни в государстве, т.е. искренняя и самоотверженная «вѣра сердца» может спровоцировать жертвенный «мятеж» против «вѣры престола» ради утверждения подлинной «вѣры народа».

Второй вызов, назовём его «вызовом этноконфессионализма», исходил из того, что в XVII–XVIII веках происходит усложнение конфессиональной ситуации в стране, где не только происходит «старообрядческий раскол», но, после закрытия в XVI веке всех медресе в Казани и Астрахани, завоёванных Иваном Грозным, начинается возрождение «мусульманской учёности среди татар» Российской империи [История, http://magarifrt.ru/articles/articles_7.html]. Эти же столетия (XVII–XVIII вв.) стали периодом, когда буддизм и буддистское просвещение из Монголии, Китая и Тибета, граничащего с Индией, стали распространяться в Забайкалье среди местного населения, соседствуя с традиционным шаманизмом. Эти народы были приняты в подданство России (1648), при этом местная конфессиональная ситуация усложнилась началом православного миссионерства (1681, «Даурская миссия» при Свято-Троицком Селенгинском монастыре-крепости) и, позднее, после переселения сюда «польских выведенцев» («семейских», 1735–1795), распространением старообрядчества, при том, что начало распространения буддизма на этих землях

относят ко II веку до н.э. [Бурятия, <http://vbuddisme.ru/wiki/%D0%91%D1%83%D1%80%D1%8F%D1%82%D0%B8%D1%8F>].

Эти процессы совпали с началом общего «поворота к национальному» и «этноконфессиональности» европейских элит, когда «Грекороссийскую церковь» (так «Церковь Христову» в России называли во многих документах XVIII века) в документах XIX века начинают именовать «Православная Российская Церковь», «Российская Православная Церковь», «Российская Православная кафелическая Церковь», «Православная Греко-российская Церковь», «Российская Восточно-православная Церковь» и т.п. [Прот. Владислав Цыпин, <http://www.pravenc.ru/text/150023.html>]. Термин «православие» потеснил термин «христианство» («христьянство», «крестьянство» и т.п.) в русском языке в контексте событий эпохи Реформации, совпавшей с правлением Ивана Грозного (1530–1584) [Колосов, Павлова, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/kolos_etim.php]. Он становится разделительным «конфессиональным», начиная обозначать не просто локальное понимание «Церкви Христовой» в одном из регионов глобального «Rex Christiana», но именно самобытную «религию россияна», «вѣру Москвы», которая «по своему внутреннему упованию <...> мыслит себя христианством в его изначальной полноте и неповреждённой целостности» [Глубоковский, 1991, 11]. Таким образом, российское общество XIX века оказывается перед фактом присутствия в России нескольких допускаемых властью религий, претендующих на истинность и пользующихся международной поддержкой.

Третий вызов, назовём его «вызовом учёных», был отмечен уже М.В. Ломоносовым (1711–1765), который писал, что европейские «Religion», появившиеся в результате эпохи Реформации (1517–1648) как «локальные» общности («вероисповедания»), объединяются «уверениями», теологические «истины» которых радикально отличны от универсальных «истин науки», покоящейся на доказательных «твёрдых основаниях», развитием которой занималась глобальная «республика учёных» («Respublica literaria»), принадлежащих к разным «Religion» [Аринин, 2017, 25–36]. В этом контексте важно отметить, что со второй половины XIX века слово «религия» в русском языке начинает иметь не только разделительное («высокое») значение «верного якоря спасения», но приобретает собирательное значение, включающее в себя «народные» («низкие») формы «языческих суеверий», сибирского «шаманства» и т.п., выступая как знания и практические навыки бытовых отношений с «неизвестным», изучаемые этнографией и возникающей в это время новой «наукой о религии», отделяющей себя от богословской апологетики и теологии (1870, Friedrich Max Müller).

Так, к примеру, в 1855 году митрополит Филарет уволил из Московской духовной Академии начинающего профессора по кафедре «Церковной археологии и истории раскола в России» Н.П. Гилярова-Платонова за то, что в своих лекциях по курсу с показательным для эпохи названием «Наука о вероисповеданиях» тот недопустимо отдавал «справедливость русским раскольникам» [Покровский, <http://www.runivers.ru/lib/authors/author64337/>]. Эти слова митрополита были вынесены как эпиграф к изданию Н.П. Гиляровым-Платоновым книги «Логика раскола» (1885), где автор, признавая это общественное явление «естественным продуктом нашей истории», призывал к подлинно научному и беспристрастному постижению его «сути» [Гиляров-Платонов, 1899, 194, 198–199, 204, 218, 235].

Таким образом, «проект Ушинского», воплотить в жизнь который так и не удалось ни в XIX, ни в XX веке, столкнулся с рядом фундаментальных противоречий, которые необходимо было разрешить при учреждении государственного «религиозного образования», позволяющего формировать достойных «сынов отечества». В Российской империи «православие» соседствовало не только с «инославными» и «иноверными», но ещё со «староверными», «идолопоклонскими», «шаманскими» и т.п. традициями народов страны, которые дополнялись «свободомыслием» и «мистическими практиками», включая «спиритизм» в среде образованной публики и даже идеями «семинаристов-безбожников». Современники могли описывать сограждан как «хладноверных», «суеверных», «двоеверных», «неверных» и т.п. в таких литературных произведениях как, к примеру, забытая сегодня «героическая комедия» М.М. Хераскова «Безбожник» (1761) или всемирно известные романы

Ф.М. Достоевского «Бесы» (1872) и «Братья Карамазовы» (1880). Статистически, однако, всё это сложное многообразие редуцировалось, как в случае первой всероссийской переписи 1895 года, по их «природе» (происхождению, семейной традиции) к «господствующей Вѣре» или другим 15 статистически тогда менее представительным «рубрикам» [Чумакова, 2012, 111].

«Религиозное образование» как советский конструкт «образа врага»

Согласно данным «НКРЯ», из 27 документов, включающих термин «религиозное образование», три относятся к веку XIX и четыре к веку XX, причём последние понимают его в качестве именно «конфессионального образования». Начало XX века ознаменовалось скандалом с Л.Н. Толстым, осуждённым в печально известном «Определении с посланием святейшего синода № 557 от 20–22 февраля 1901 года», обострением противостояния «господствующей Вѣры» с «лжеучителями», «безбожниками», «отступниками», «атеистами», «сектантами», «еретиками» и т.п. Публикуется Указ Николая Второго «Об укреплении начал веротерпимости» (17.04.1905), однако, как признавал М.А.Рейсмер, в России «по-прежнему не существует <...> человеческой личности с её миром нравственной духовной свободы», искренним «духовным энтузиазмом» и возможностью избрать «религию для своей совести», которую не удовлетворяет «ни одна из существующих “вер”» [Рейсмер, 2011, 422, 419]. Тем не менее, этот указ, падение империи и переход власти к большевикам в 1917 году стали периодом краткого «золотого века» для старообрядцев и других религиозных меньшинств, получивших права на «свободу вероисповедания» и «свободу совести», создавших юридическую возможность организации собственных учебных институций, которой они воспользовались.

Новая ситуация возникает уже в начале 1918 года, когда «школа отделяется от церкви» и «преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается», хотя признаётся, что «граждане могут обучать и обучаться религии частным образом» [Декрет, <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/>]. Первый Уголовный кодекс РСФСР (1922) зафиксировал особый состав преступления – «преподавание малолетним и несовершеннолетним религиозных вероучений в государственных или частных учебных заведениях и школах карается принудительными работами на срок до одного года» (ст.121) [Уголовный кодекс, <http://constitutions.ru/?p=5341>]. В литературе и публицистике разворачивается мощная пропагандистская компания против всех видов «религиозных суеверий», изобретается метафора «опиума для народа» (персонаж Остап Бендер, «Двенадцать стульев», 1928), конструируется особый «новояз», маркирующий граждан, причастных к этому «опиуму». Таким терминологическим нововведением стало «Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о религиозных объединениях» (от 08.04.1929), в котором формулируется понятие «религиозное объединение верующих граждан всех культов», после чего слово «верующий» становится собирательным нормативным обозначением приверженцев любого вероисповедания как «культа» («православного», «иудейского», «сектантского», «еретического», «шаманистского», «языческого» и т.п.), а «преподавание религиозных вероучений» и «религиозное образование» начинают рассматриваться в контексте упомянутой выше статьи 122 УК РСФСР (1922), как криминальное «приобщение к опиуму», образно изображённого, к примеру, в «Антирелигиозной азбуке» (1933) [Антирелигиозная азбука, <http://antidotte.com/viewtopic.php?t=3381>]. «Верующий» для советской идеологии выступил как эмпирическое воплощение «религии» («мракобесия», «врага науки» и т.п.), т.е. препятствия на пути развития общества к «коммунизму», имеющего множество явных и скрытых форм, которые требовалось привести в соответствие с новыми «советскими идеалами».

Первый, согласно «НКРЯ», случай советского использования термина «религиозное образование» приходится на 1960 год, содержась в «Предисловии» А.К. Котова к мемуарам о А.П. Чехове, где говорится о том, что тот «получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание – с церковным пением, с чтением апостола и кафизм в церкви...» [Котов, <https://www.litmir.me/br/?b=195796>].

Другой случай приходится на 1985 год, когда публикуются написанные в 1946 году дневниковые записи К. М. Симонова «Япония.46», где он упоминает про священников, которые повышаются в духовном чине, причём те, «кто имеет высшее религиозное образование, движутся по этой лестнице много быстрее» [Симонов, japanlib.narod.ru/ksimon.htm]. Тогда же в журнале «Наука и религия» (1984) Фаина Гримберг писала про свою знакомую, которая «считала полезным обучать детей закону божьему, однако подходила к этому без догматизма, прежде всего имея в виду не религиозное образование, а спокойствие питомцев» [Гримберг, 1984, 15].

В этом контексте важно отметить, что в третьем издании «Большой советской энциклопедии» в терминах «теории вражеского окружения» отмечалось, что религиозное обучение и образование является системой «профессиональной подготовки служителей религиозных культов, специалистов-теологов, преподавателей богословия в духовных учебных заведениях и религиозное обучение населения», которое «используется церквами и миссионерами для распространения религии среди неверующих и иноверцев, вербовки прозелитов» [Фуров, 1975, 626–628]. Иронично-карикатурное и гротескное описание фундаментальной неопишуемости динамичного и полиморфного «многообразия верующих» и соответствующих форм «преподавания религиозных вероучений» в позднем СССР было представлено М.Н. Эпштейном в известной монографии «Новое сектантство: типы религиозно-философских умонастроений в России. 1970–1980-е годы» [Эпштейн, 1994, 5]. Автор показывал, что такого рода «приверженность» формируется, «вспыхивая» и «угасая» практически ежедневно, и, соответственно, её невозможно отследить, описать и «запротоколировать» в архивах тех или иных «ведомств национальной безопасности», хотя, однако, можно искусственно конструировать такого рода «фантом», десятилетиями получая на это бюджетное финансирование.

Принципиально новая ситуация возникает с началом празднования в СССР под эгидой ЮНЕСКО «Тысячелетия Крещения Руси» (1988), либеральных реформ эпохи «перестройки» и противоречивых тенденций формирования постсоветской России, а сам термин «религиозное образование» был эксплицитно зафиксирован в ст. 6 принятого Верховным Советом СССР закона «О свободе совести и религиозных организациях» (№ 1689-1, от 01.10.1990) [О свободе, <http://www.r-komitet.ru/vera/26.htm>]. Этот термин, однако, не вошёл в один из последних законов РСФСР «О свободе вероисповеданий» (от 25.12.90), где говорилось о «преподавании вероучений» и «религиозном воспитании» (ст. 9).

Таким образом, из 27 случаев эксплицитного использования термина «религиозное образование» три приходится на XIX век и четыре – на век XX, при этом три из последних относятся к советскому периоду, следовательно, согласно «НКРЯ» с XVIII по XX век наблюдаются только 22% его упоминаний, тогда как остальные 78 % приходятся на нашу современность.

«Религиозное образование» как постсоветские практики «приобщения молодёжи к богатству духовных традиций народов России»

Эксплицитно те 20 текстов (78 %), где обсуждаются проблемы «религиозного образования» в XXI веке, можно разделить на два типа, где в первом случае речь идёт о «конфессиональном» образовании, как, к примеру, в воспоминаниях известного журналиста, дипломата и политолога А.Е. Бовина, который писал, что в Израиле «допускается автономное религиозное образование» [Бовин, <https://www.litmir.me/br/?b=97308&p=1>]. Второй тип представлен обсуждениями таких школьных предметов как, к примеру, «Основы православной культуры» (ОПК), т.е. объёмных светскими, культурологическими и религиозноведческими учебными дисциплинами, но о которых, однако, на одном из форумов утверждалось, что «ОПК воспринимается как обучение православию, т.е. религиозное образование» [о. Андрей Чесноков, <http://www.tds.net.ru/forum/index.php?showtopic=773>].

В 1997 году в России был принят закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (N 125-ФЗ, от 26.09.1997), где термин «религиозное образование» был вынесен в заголовок статьи 5, утверждающей, что «каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими» (5.1). Продолжением закрепления этого права стал новый Федераль-

ный закон «Об образовании в Российской Федерации» (2012, № 273-ФЗ), в котором этой проблематике посвящена статья 87 («Особенности изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации. Особенности получения теологического и религиозного образования»), где присутствует термин «религиозное образование (религиозный компонент)». Эти законы создали правовое пространство для реализации возможности изучения религии и получения «религиозного образования» в государственных образовательных учреждениях, поскольку полемика по этим вопросам с конца XX века порой приобретала характер спора «о новой национальной идее и о новой идеологии государственной школы» [Козырев, 2005, 464]. В масс-медиа выделились три субкультуры, где одни, в соответствии с зафиксированным социологами «проправославным консенсусом», полагали необходимым принудительно приобщить население к «спасительной вере», тогда как другим это представлялось посягательством на «светский характер государства» и «преступлением против основ конституционного строя», а третьи предпочитали компромиссный синтез, который и получил воплощение в нормах упомянутого выше 273 ФЗ и соответствующих практиках [Уголовный кодекс, <http://base.garant.ru/58060470/30/>].

Удачной представляется классификация из трёх дистанцирующихся друг от друга форм, которую предложили известные авторы из Великобритании и Ф.Н. Козырев [Козырев, 2005, 52]. Мы полагаем, вслед за ними, что важно различить среди смешиваемых форм три существенно различных подхода, которые термин «религиозное образование» охватывает в качестве «зонтичного», поскольку «информация о религии» может выступать как:

1) «знания в религии», представленные в доктринально-конфессиональной подготовке приверженцев конкретного вероисповедания;

2) «знания о религии», представленные религиозноведческими, культурологическими и т.п. «конфессионально нейтральными» концепциями различных наук;

3) «знания у религии», представляющие собой ознакомление с «духовно-нравственным» содержанием религий в качестве традиций народов России и гражданских этических идеалов в рамках федеральных курсов «Основы духовно-нравственной культуры народов России», «Основы религиозных культур и светской этики» и т.п.).

Эти вопросы решаются специфично в различных регионах России, в связи с историческими и локальными особенностями их формирования в ведущих урбанистических центрах религиозного образования, но, в соответствии с буквой и духом Конституции (1993), согласно которой «Российская Федерация – светское государство» (ст. 14), такое образование должно формировать установки на искренне толерантные, уважительные и добрососедские отношения между многообразными духовными традициями народов Российской Федерации, препятствуя «чуме XXI века» – экстремизму и терроризму, часто стремящимся оправдывать себя «религиозными» основаниями, при этом ссылаясь не на «огоньки Пятидесятницы» или «веру сердца», но планомерно и при мощной финансовой поддержке конструируя «кузницы», где предполагают «выковать» некий «Новый Порядок».

Библиографический список

1. Аверинцев, С.С. От берегов Босфора до берегов Ефрата / С.С. Аверинцев. – М., 1987.
2. Аринин, Е.И. Религия как «релѳя»: между политикой, поэтикой и логикой (XIV–XVIII в.в.) / Е.И. Аринин // Религиоведение. – 2017. – № 3. – С. 66–80.
3. Антирелигиозная азбука [Электронный ресурс]. – URL: <http://antidotte.com/viewtopic.php?t=3381> (дата обращения: 20.02.2018).
4. Белякова, Е.В. Первые опыты русской церковной историографии / Е.В. Белякова // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. – Вып. 1. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 219–221.
5. Бовин, А. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства [Электронный ресурс] / А. Бовин. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=97308&p=1> (дата обращения: 20.02.2018).

6. Бурятия [Электронный ресурс]. – URL: <http://vbuddisme.ru/wiki/%D0%91%D1%83%D1%80%D1%8F%D1%82%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 20.02.2018).
7. Гиляров-Платонов, Н.П. Логика раскола / Н.П. Гиляров-Платонов // Сборник сочинений. – Том II. – М.: Синодальная типография, 1899.
8. Глубоковский, Н.Н. Православие по его существу / Н.Н. Глубоковский // Церковь и время. – 1991. – № 1.
9. Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [Электронный ресурс]. – URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/> (дата обращения: 20.02.2018).
10. История развития религиозного (мусульманского) образования в Татарстане [Электронный ресурс]. – URL: http://magarifrt.ru/articles/articles_7.html (дата обращения: 20.02.2018).
11. Киреевский, И.В. Деятельность XIX века / И.В. Киреевский // Европеец. Журнал И.В. Киреевского. – 1832. Серия: Литературные памятники. – М.: Наука, 1989.
12. Козырев, Ф.Н. Религиозное образование в светской школе. Теория и международный опыт в отечественной перспективе: монография / Ф.Н. Козырев. – СПб.: Апостольский год, 2005.
13. Колосов, В. К этимологии терминов «православие» и «православные» / В. Колосов, Т. Павлова [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/colos_etim.php (дата обращения: 15.02.2018).
14. Котов, А.К. Предисловие А.К. Котов // А.П. Чехов в воспоминаниях современников [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=195796> (дата обращения: 15.02.2018).
15. Сараскина, Л. Достоевский в Японии: Стукнуться о «Бесов» / Л. Сараскина [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/57369.html> (дата обращения: 15.02.2018).
16. Миллер, А.И. Триада графа Уварова / А.И. Миллер [Электронный ресурс]. – URL: <http://polit.ru/article/2007/04/11/uvarov/> (дата обращения: 11.02.2018).
17. Муравьев, А.В. Социальные структуры христианского Востока / А.В. Муравьев [Электронный ресурс]. – URL: <https://postnauka.ru/video/64970> (дата обращения: 2.02.2018).
18. Надыршин, Т.М. Проблемы этнологического исследования неконфессионального религиозного образования в России / Т.М. Надыршин // Религиоведение. – 2017. – № 3.
19. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorgo.ru/> (дата обращения: 27.02.2018).
20. О. Андрей Чесноков. Предмет «Основы Православной культуры» в общеобразовательных школах / О. Андрей Чесноков [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tds.net.ru/forum/index.php?showtopic=773> (дата обращения: 12.12.2017).
21. Першин, Ю.Ю. Латинское слово religio: дополнительные значения и смыслы / Ю.Ю. Першин // Свеча-2014. Религия, religio и религиозность в региональном и глобальном измерении. – Т. 26. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014.
22. Покровский, А. Гиляров-Платонов Никита Петрович / А. покровский [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.runivers.ru/lib/authors/author64337/> (дата обращения: 09.05.2017).
23. Рейсмер, М.А. Государство и верующая личность / М.А. Рейсмер. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
24. Ушинский, К.Д. Письмо седьмое. Педагогическая поездка по Швейцарии / К.Д. Ушинский // Журнал Министерства народного просвещения. – Часть СХІХ. – 1863.
25. Ушинский, К.Д. О средствах распространения образования посредством грамотности / К.Д. Ушинский // Сын Отечества. – 1858. – № 2. – С. 42–45.
26. Ушинский, К.Д. Общий взгляд на возникновение наших народных школ / К.Д. Ушинский // Народная школа. – 1870. – № 5. – С. 16–19.
27. Фуров, В.Г. Религиозное обучение и образование / В.Г. Фуров // Большая Советская энциклопедия. – В 30 т. – Т. 21. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – С. 626–628.
28. 60 приходов в США присоединяются к Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravoslavie.fm/interested/60-prikhodov-v-ssha-prisoedinyayutsya-k-russk/> (дата обращения: 20.02.2018).
29. Halstead, M.J. Religious Education / M.J. Halstead // The Encyclopedia of Religion / Ed. Mircea Eliade; Charles J. Adams. – 2 edition. – V.11. – USA: Macmillan Reference, 2005.
30. Moran, G. Religious Education / G. Moran // The Encyclopedia of Religion. / Ed. Mircea Eliade. – V. 12. – New York. – London, 1987.

Текст поступил в редакцию 26.02.2018.

References

1. Averintsev S.S. *Ot beregov Bosfora do beregov Efrata* [From the Coast of Bosphorus to the Banks of the Euphrates]. Moscow, 1987 (in Russian).
2. Arinin E.I. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2017, no. 3, pp. 66–80 (in Russian).
3. *Antireligioznaya azbuka* [Antireligious Alphabet]. Available at: <http://antidotte.com/viewtopic.php?t=3381> (accessed February 20, 2018) (in Russian).
4. Belyakova E.V. *Issledovaniya po semiotike istorii* [Studies in Semiotics of History]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008, pp. 219–221 (in Russian).
5. Bovin A. *Pyat' let sredi evreev i midovtsev, ili Izrail' iz okna rossiyskogo posol'stva* [Alexander Bovin. Five Years among Jews and Midovets, or Israel from a Window of the Russian Embassy]. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=97308&p=1> (accessed February 20, 2018) (in Russian).
6. *Buryatiya* [Buryatia]. Available at: <http://vbuddisme.ru/wiki/%D0%91%D1%83%D1%80%D1%8F%D1%82%D0%B8%D1%8F> (accessed February 20, 2018) (in Russian).
7. Gilyarov-Platonov N.P. *Sbornik sochineniy* [Collection of Writings]. Book II. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1899 (in Russian).
8. Glubokovskiy N.N. *Tserkov' i vremya* [Church and Time]. 1991, no. 1 (in Russian).
9. *Dekret Soveta Narodnykh Komissarov «Ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi»* [The Decree of the Council of People's Commissars "On Separation between Church and State and School and Church]. Available at: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/> (accessed February 20, 2018) (in Russian).
10. *Istoriya razvitiya religioznogo (musul'manskogo) obrazovaniya v Tatarstane* [History of Development of Religious (Muslim) Education in Tatarstan]. Available at: http://magarifrt.ru/articles/articles_7.html (accessed February 20, 2018) (in Russian).
11. Kireevskiy I.V. *Evropeets. Zhurnal I.V. Kireevskogo* [European. I.V. Kireevsky's Journal]. 1832. Literary Monuments Series. Moscow: Nauka, 1989 (in Russian).
12. Kozzyrev F.N. *Religioznoe obrazovanie v svetskoj shkole. Teoriya i mezhdunarodnyy opyt v otechestvennoy perspektive: monografiya* [Religious Education at Secular School. Theory and International Experience in Domestic Prospect: Monograph]. St. Petersburg: Apostol'skiy gorod, 2005 (in Russian).
13. Kolosov V., Pavlova T. *K etimologii terminov «pravoslavie» i «pravoslavnye»* [To Etymology of the Terms "Orthodoxy" and "Orthodox Christians"]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/kolos_etim.php (accessed February 15, 2018) (in Russian).
14. Kotov A.K. *A.P. Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov* [A.P. Chekhov in Memoirs of Contemporaries]. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=195796> (accessed February 15, 2018) (in Russian).
15. Saraskina L. *Dostoevskiy v Yaponii: Stuknut'sya o «Besov»* [Dostoyevsky in Japan: To Hit "Demons"]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/57369.html> (accessed February 15, 2018) (in Russian).
16. Miller A.I. *Triada grafa Uvarova* [Triad of Count Uvarov]. Available at: <http://polit.ru/article/2007/04/11/uvarov/> (accessed February 11, 2018) (in Russian).
17. Murav'yov A.V. *Sotsial'nye struktury khristianskogo Vostoka* [Social Structures of the Christian East]. Available at: <https://postnauka.ru/video/64970> (accessed February 2, 2018) (in Russian).
18. Nadyrshin T.M. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2017, no. 3 (in Russian).
19. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [National Corps of the Russian Language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed February 27, 2018) (in Russian).
20. F. Andrey Chesnokov. *Predmet «Osnovy Pravoslavnoy kul'tury» v obshcheobrazovatel'nykh shkolakh* [The Subject "Bases of Orthodox Culture" at General Education Schools]. Available at: <http://www.tds.net.ru/forum/index.php?showtopic=773> (accessed December 12, 2017) (in Russian).
21. Pershin Yu.Yu. *Svecha-2014. Religiya, religio i religioznost' v regional'nom i global'nom izmerenii* [Candle-2014. Religion, Religio and Religiousness in Regional and Global Measurement]. Vol. 26. Vladimir: Izd-vo VIGU, 2014 (in Russian).
22. Pokrovskiy A. *Gilyarov-Platonov Nikita Petrovich* [Gilyarov-Platonov Nikita Petrovich]. Available at: <http://www.runivers.ru/lib/authors/author64337/> (accessed May 9, 2017) (in Russian).
23. Reismar M.A. *Gosudarstvo i veruyushchaya lichnost'* [Gosudarstvo and a Spiritual Individual]. Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2011 (in Russian).
24. Ushinsky K.D. *Zhurnal Ministerstva narodnago prosvrshcheniya* [The Ministry of National Education Journal]. Part CXIX, 1863 (in Russian).
25. Ushinsky K.D. *Syn Otechestva* [Son of Motherland]. 1858, no. 2, pp. 42–45 (in Russian).
26. Ushinsky K.D. *Narodnaya shkola* [National School]. 1870, no. 5, pp. 16–19 (in Russian).
27. Furov V.G. *Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya* [Big Soviet Encyclopedia]. Vol. 21. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1975, pp. 626–628 (in Russian).
28. *60 prikhodov v SSHA prisoedinyayutsya k Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [60 Parishes in the USA Join Russian Orthodox Church]. Available at: <https://pravoslavie.fm/interested/60-prikhodov-v-ssha-prisoedinyayutsya-k-russk/> (accessed February 20, 2018) (in Russian).
29. Halstead M.J. *The Encyclopedia of Religion*. Ed. Mircea Eliade; Charles J. Adams. Vol. 11. USA, Macmillan Reference, 2005 (in English).
30. Moran G. *The Encyclopedia of Religion*. Ed. Mircea Eliade. Vol. 12. New York, London, 1987 (in English).